

Б. Ст. АНГЕЛОВ

«Слово о полку Игореве» и его оценка в Болгарии

Как великое творение древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» привлекает внимание болгарских культурных деятелей минувшего и настоящего времени. Они не чужды сложным проблемам, связанным с этим замечательным творением древней русской поэзии. Показателем прежде всего факт, что у нас стали говорить о «Слове о полку Игореве» очень рано: имеется письменно засвидетельствованное внимание к нему еще в середине XIX в. В номере 13 от 27 марта 1848 г. газета «Цариградски вестник» печатает статью «Руска книжнина», в которой, помимо прочего, говорится и о «Слове».¹

Автор этой первой осведомительной в нашей печати статьи о русской литературе в настоящее время неизвестен (весьма вероятно, что автор ее известный литератор д-р Ив. Богоров). При всей своей краткости и наивности эта заметка все же дает известную оценку «Слову о полку Игореве». И надо отметить, что эта оценка не только положительная, утверждающая, но и восторженная. Ее автор горячо отзываясь о «Слове». Заслуживает при этом внимания тот факт, что во всей статье «Руска книжнина» самым патетичным является пассаж, относящийся к «Слову о полку Игореве», которое называется «ироическо стихотворение», «чудно стихотворство от старите книжници». Его творец назван «соловьем всех времен». Автор статьи хорошо знаком с научной литературой о «Слове», что явствует из некоторых его фраз, касающихся известных спорных вопросов (например: «и се почита като за доказателство за староруското стихотворство», «ако и мнозина от младите се препираха, какво това име се отнесе в Русия на всичките стихотворци»). Он, бесспорно, знаком и с теорией о позднем происхождении этого произведения, согласно которой «Слово» является созданием образованного русского писателя конца XVIII в. Хотя наш автор и не выражает определенного отношения к этой теории, он и не присоединяется к ней. Самым лучшим доказательством того, что он ее не разделял, является чрезвычайно восторженное отношение его к «Слову», высокая и пламенная оценка, которую он ему дает.

Это положительное отношение к «Слову» неизвестного автора становится характерной чертой и в оценке последующих литераторов, которую они дают классическому древнерусскому творению. Следующей по времени

¹ Тут говорится: «По онова време излязоха на свет на руския език доста басни и ироическо стихотворение с надпис: „Разказвание за бойт на княз Игоря към половците“: чудно стихотворство от старите книжници и се почита като за доказателство за староруското стихотворство и за вярно битие и на други някои списания, които времето изтреби. Най-после се извадиха и различни трагедии, които се отдават на стихотворец Бегия когото наричат „славей на всичките времена“, ако и мнозина от младите се препираха, какво това име се отнесе в Русия на всичките стихотворци, които пееха по царските празници юначествата на преместниците на царете».

является оценка Райко Жинзифова в его предисловии к собственному переводу «Слова», помещенному в «Новобългарска сбирка» (М., 1863). Жинзифов — русский воспитанник с патриотической и отзывчивой душой, вдохновленный идеями русских славянофилов. Его убеждение не позволяет ему разделять теорию скептиков о позднем происхождении «Слова». Среди болгар он является одним из первых, кто определенно и страстно отстаивает древность «Слова о полку Игореве». Он знает, что о «Слове» писало много выдающихся ученых: Мусин-Пушкин, Карамзин, Болтин, Шишков, Востоков, Калайдович, Сахаров, Максимович, Дубенский, Ганка, Шафарик, Добровский. В своей работе он широко использует исследования и переводы Максимовича, Дубенского и Гербеля, на основе которых преимущественно строит свои взгляды на «Слово». Сам Жинзифов считает, «что невозможно передать все то, что было написано учеными о «Слове», потому что «их рассуждения заняли бы много места, из них вышла бы целая довольно крупная книга». Потому он ограничивается только общими сведениями о нем, говоря главным образом об источниках и языке своего перевода. По Жинзифову, «Слово о полку Игореве» — классическое старорусское творение. «Шесть веков прошло, как написано „Слово о полку Игореве“ и до конца восемнадцатого века оно не было знакомо русским; и не будучи им знакомо, не могло быть знакомо и другим славянам», — пишет Жинзифов. Он мог бы привести «еще много других замечаний и рассуждений, которые сделали другие ученые люди относительно „Слова“, но нет нужного времени». Жинзифов считает, что нужно перевести на болгарский язык это «славное» произведение русских, как он пишет о нем в другом месте в «Новобългарска сбирка» (стр. 62). Это великое творение должно стать достоянием и болгарской литературы, а не только других славян — чехов, сербов и поляков.

О переводе Жинзифова К. Н. Державин писал: «Свой перевод Жинзифов выполнил весьма внимательно, любовно и добросовестно... Болгарский переводчик, видимо, ставил одной из своих задач по возможности приблизить текст к своим читателям, ввести в него некоторые конкретные поэтические детали, связанные с привычным восприятием песенных образов на фоне болгарской народной поэтической традиции».²

По мнению Ефрема Каранова, второго, давшего у нас полный стихотворный перевод «Слова о полку Игореве», это произведение «составлено неизвестным певцом в конце XII столетия».³ Сравнительно с Жинзифовым Каранов подчеркивает в «Слове» другое. Прежде всего он указывает на чрезвычайно важную особенность «Слова» — светский характер его сюжета. «Этот старорусский памятник, — пишет Каранов, — можно сказать единственный, в котором нет ничего религиозного; это чисто поэтическое произведение, составленное в духе славянской поэзии». Каранов считает, что нужно прежде всего отметить именно эту сторону «Слова», потому что ею определяются и другие его особенности в композиционном и стилистическо-языковом отношениях. Именно с этой стороны «Слово о полку Игореве» показывает особенное родство с народной поэзией.

² К. Н. Державин. Райко Жинзифов и его перевод «Слово о полку Игореве». — Вестник ЛГУ, 1951, № 1, стр. 186, 187. Статья К. Н. Державина является первой работой, в которой сделана целостная и глубокая оценка перевода Жинзифова «Слова», а также и некоторые интересные наблюдения. Совсем основательно К. Н. Державин заканчивает статью констатацией, что перевод Жинзифова «вошел в историю болгарской литературы как первый опыт воссоздания величайшего памятника древней русской поэзии, как несомненный вклад в дело болгарско-русского культурного сближения, как дань искренней, любовной признательности воспитавшей его русской культуре от болгарского патриота-просветителя».

³ Ефрем Каранов. «Слово за пълка Игорев». Кюстендил, 1898, стр. 3.

Ефрем Каранов считает, что «„Слово“ — поэтическая повесть, поэма и было составлено первоначально в стихотворном размере, но при переписывании впоследствии потеряло стихотворную форму». Таким образом, он у нас один из первых литераторов, который поддерживает тезис о стихотворной форме «Слова». В тесной зависимости с этим его пониманием находится и подчеркивание близости в стилистическо-поэтических сходствах между «Словом о полку Игоре» и народной поэзией. «С художественной стороны выражения, — пишет он, — отметим несколько фактов, свойственных русской, а особенно малорусской и болгарской народной поэзии». Далее следуют примеры: сравнения, отрицательные сравнения, приставные эпитеты, олицетворения, повторения, вопросы. Все они показывают прочную связь с народно-песенным творчеством.

«Едиственный памятник, жемчужина не только древнерусской, но и вообще древнеславянской поэзии, с которым по оригинальности не могут соперничать и самые лучшие отрывки из чешской Краледворской рукописи, — оставим в стороне вопрос об ее автентичности — это без сомнения так называемое „Слово“ о походе (1185 г.) северского князя Игоря против половцев». Так начинает Бойчо Липовски (Никола Василев) вступительную заметку к своему переводу «Слова о полку Игоре» 1907 г.⁴ «Слово» составлено в конце XII в. «современником Игоря, если и не самым его соучастником в походе». Содержание и художественные особенности этого произведения красноречиво говорят, что его творец — светское лицо, «необыкновенный художник».

Краткая статейка Б. Липовского — одна из самых восторженных публикаций в болгарской литературе о «Слове о полку Игоре», отмеченная печатью сильной любви автора к этому выдающемуся старорусскому произведению. Эта любовь, конечно, подкрепляется его личным научным убеждением в древнем происхождении поэмы, так как Липовскому хорошо известно писанное о «Слове» видными русскими учеными и писателями, особенно Н. Тихомировым, А. Потемней и Н. Гербелем. Он не удовлетворен существовавшими до того времени болгарскими переводами старорусской поэмы и высказывается о них весьма не лестно («в них нет и следа от поэзии оригинала»). И потому именно он берет на себя ответственную задачу дать новый болгарский перевод «в форме так называемых стихотворений в прозе», чтобы передать полнее художественные достоинства и героическое содержание этого поэтического творения.

В кратких редакционных заметках, данных к переводу или к текстам «Слова о полку Игоре», помещенных в некоторых периодических изданиях, снова указывается на его древность. В одной из таких заметок, например, говорится: «„Слово об Игоре» полку“ — русская эпическая поэма, написанная неизвестным поэтом в конце XII или начале XIII столетия».⁵

Вообще характерной чертой в исследованиях болгарских ученых является их положительное и восторженное отношение к «Слову о полку Игоре». Для них это великое достижение древнерусской литературы, жемчужина русской культуры. Это исходное положение лежит в основе их специальных исследований и популярных публикаций. Некоторые исследования, опираясь на приведенный материал и его толкование, имеют целью доказать древность поэмы, отрицают теорию ее позднего происхождения.

⁴ Бойчо Липовски. Защо даваме трети превод на едно в също произведение. — Илюстрация светлина, XV, 1907, кн. IX—X, стр. 2.

⁵ Знание, г. I. Стара Загора, 1884, № 5; см. также: Мисъл, I. Силистра, 1886—1887, кн. 5, стр. 130.

Таковы, например, некоторые из публикаций Н. М. Дылевского⁶ и Боню Ст. Ангелова.⁷

В одной из своих публикаций Н. М. Дылевский писал: «Открытые параллели к подозреваемому в извращении месту в тексте первого издания „Слова о полку Игореве“ помогают нам рассеять сомнения тех, кто хочет видеть в „Слове“ поздний и претенциозный фальсификат. . . В свете новых свидетельств слово „шестокрилицы“ в „Слове о полку Игореве“ не может быть принято как мысль, случайно возникшая в уме мнимого фальсификатора, поставившего его в не совсем удачном на первый взгляд текстовом соседстве. Напротив, оно живая форма, сохранившаяся в народном творчестве двух славянских народов».⁸

Совершенно изолированным остается в болгарской литературе мнение Михаила Арнаудова о позднем происхождении «Слова». Под сильным влиянием французского ученого-слависта Андре Мазона Арнаудов высказывает мнение, что «Слово» представляет позднюю фальсификацию конца XVIII в. Согласно с Мазоном Арнаудов утверждает, что это сочинение — мистификация, написанная в конце XVIII в. высокообразованным русским писателем, взявшим за образец старорусское произведение с воинским сюжетом — «Задонщину». О позиции Арнаудова хорошо говорит еще самое заглавие его статьи «Достоверна или подправена поема? Потеклото на руското „Слово о полку Игореве“ в осветлението на проф. А. Мазон».⁹ Передавая кратко содержание и аргументы двух вышедших до того времени статей Андре Мазона, Михаил Арнаудов обобщает: «Мы имеем вполне определенное впечатление, что г. Мазон стал на твердую почву и имеет на своей стороне истину. Филолог и литературный историк с доказанной опытностью, он идет — без боязни быть обвиненным в какой-либо ереси — поднять завесу, покрывающую реальный лик поэмы, чтобы показать, что эта поэма вовсе не освещена никакой стариной и что все то, что в ней действительно хорошего, является чужим созданием, известным в почти полном своем составе еще до появления „Слова“ . . . И мы верим, что то, что нам и другим казалось раньше самым правильным разрешением проблемы, теперь получает окончательное и неопровержимое подтверждение (разрядка моя, — Б. А.)».¹⁰ Тут следует отметить, однако, и то, что в прежних своих публикациях М. Арнаудов стоит на прямо противоположной точке зрения. В своей работе «Очерки по българския фолклор» 1934 г., говоря о Симеоновом сыне Бояне, он писал: «Этот Боян или Баян едва ли имеет, однако, что-либо общее со сказочным поэтом Бояном, о котором идет речь в русском эпическом „Слове о полку Игореве“ XII в. . . Метафорические выражения в данном случае показывают смелое воображение старорус-

⁶ Н. М. Дилевски. 1) Едно неясно място в «Слово о полку Игореве». — Известия на дружеството на филолозите-слависти в България, кн. I. София, 1942, стр. 72—79; 2) «Бусым» или «босом волком» в «Слово о полку Игореве»? — Известия на Камарата на народната култура, серия хуманитарни науки, т. IV, № 5. София, 1947, стр. 25; 3) «Ратаевъ кикахуть» и «а злата и сребра ни мало того потрепати» в «Слово о полку Игореве». — Годишник на Софийския унив. Историко-фил. фак., т. XLII. София, 1946, стр. 15; 4) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 97—112.

⁷ Боню Ст. Ангелов. 1) «Слово о полку Игореве» и някои южнославянски успоредици с него. — Известия на Института за българска литература, кн. III. София, 1955, стр. 178—182; 2) Бележки върху «Слово о полку Игореве». — Известия на Института за българска литература, кн. V. София, 1957, стр. 456—474.

⁸ Н. М. Дилевски. Бележки върху «Слово о полку Игореве», стр. 103, 110.

⁹ Българска мисъл, XIV, 1939, кн. V—VI, стр. 290—297.

¹⁰ Там же, стр. 297.

ского мифического певца, родственного словно классическому Орфею (разрядка моя, — Б. А.)».¹¹

Я уже отметил, что теория позднего происхождения «Слова» остается изолированной в болгарской литературе, так как и до и после М. Арнаудова ее не разделяет ни один ученый. Йордан Иванов еще в 1896 г. писал: «„Слово о полку Игореве“ — оригинальное произведение, которое имеет важное значение как в историческом отношении по своей идее и патриотическому чувству, так и в поэтическом отношении по силе изображения и чистосердечного лиризма».¹² Александр Т.-Балан также писал: «... русские, которые до 1795 г., когда была открыта поэма „Слово о полку Игореве“, только гадали о своей письменной поэзии XII века, без возможности охарактеризовать ее по определенному вещественному поводу; до тех пор они читали только полинявшие отзвуки поэтических преданий, а Волынская летопись XIII века упоминала им о каком-то „словутном певце Митусе“ и о „песне о славе“ галицких князей-победителей».¹³ В этом же роде высказываются и другие болгарские ученые, как Ив. Д. Шишманов,¹⁴ Всеволод Николаев,¹⁵ Петр Мутафчиев,¹⁶ Иван Дуйчев,¹⁷ Велчо Велчев,¹⁸ Иван Снегаров.¹⁹

О «Слове о полку Игореве» в болгарской литературе писалось очень часто в связи с именем Бояна. Загадочный образ упомянутого в нем Бояна связывается с именем болгарского Бояна, сына царя Симеона X в. По мнению одних ученых, Боян из «Слова» идентичен с Симеоновым сыном Бояном, а по мнению других, это совсем различные лица. Первое мнение разделяют, например, Всеволод Николаев,²⁰ Петр Мутафчиев,²¹ Никола Балабанов²² и др. Ко второму мнению склоняются Иван Дуйчев,²³

¹¹ Михаил Арнаулов. Очерки по българския фолклор. София, 1934, стр. 532.

¹² Йордан Иванов. История на славянските литератури. Пловдив, 1896, стр. 100—101.

¹³ Ал. Т.-Балан. Сенки. Книжовно-исторически чертици. — Български преглед, I, 1894, кн. XI—XII, стр. 248.

¹⁴ Ив. Д. Шишманов. Стари пътувания през България в посока на римския военен път от Бялаград за Цариград. — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. IV. София, 1891, стр. 339—343.

¹⁵ Всеволод Николаев. Славянобългарският фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949, стр. 144—146.

¹⁶ Петър Мутафчиев. Към въпроса за българските извори на руските летописни известия. — Списание на Българската академия на науките, кн. III. София, 1912, стр. 142—143.

¹⁷ Иван Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие. II. Боян Магесник. Към въпроса за лъжливите науки у нас и във Византия през средновековието. — Сборник на Българската академия на науките, кн. XLI. София, 1949, стр. 9—19.

¹⁸ Велчо Велчев. Руска литература в образци и очерки. Част I. От XI до XVII век. София, 1954, стр. 48.

¹⁹ Ив. Снегаров. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.). София, 1950, стр. 43.

²⁰ Всеволод Николаев. Славянобългарският фактор в христианизацията на Киевска Русия, стр. 144—146.

²¹ Петър Мутафчиев. Към въпроса за българските извори на руските летописни известия, стр. 142—143.

²² Никола Балабанов. Стари украинно-български литературни отношения. — Украинно-български преглед, I, 1919—1920, № 5, стр. 41.

²³ Иван Дуйчев. Проучвания върху българското средновековие, стр. 9—19. Дуйчев пише: «Тъждествеността на имената не доказва нищо, още повече като се има предвид, че името Боян не е било така рядко. Трябва да се вземат в съображение също и големите хронологически трудности. Изобщо, трябва да се заключи, че се отнася до две напълно различни личности. Певецът в „Слово о полку Игореве“ принадлежи изцяло на руското минало. Колкото и да ни блазни мисълта за някакво тъждество, пресилено е да приписваме неговите качества на българския княз Бояна, за когото знаем толкова малко».

Васил Пундев,²⁴ Михаил Арнаудов²⁵ и др. Несмотря на множество высказываний по этому поводу и в русской и в болгарской научной литературе, и до настоящего времени этот вопрос не может считаться окончательно разрешенным. Над ним придется еще достаточно поработать. Правильное его разрешение можно ожидать только, когда откроются новые материалы из средневековой русской и болгарской истории.

Самую высокую и правильную, научную оценку «Слово о полку Игореве» получило у нас в годы народно-демократического строя, утвердившегося в результате народной антифашистской борьбы болгарского народа, активно поддержанного братским советским народом в сентябре 1944 г. Выражением этого отношения является торжество, проведенное Болгарской Академией наук в 1951 г. по случаю 150-летия со дня выхода первого печатного издания «Слова о полку Игореве» в 1800 г. Еще более ярким выражением этой оценки является юбилейная книга «Песен за похода на Игор», подготовленная по этому поводу и вышедшая в Софии в 1955 г. Богато иллюстрированная, она ценна прежде всего благодаря новому стихотворному переводу «Слова о полку Игореве», сделанному видным болгарским поэтом и писателем академиком Людмилом Стояновым. В своей вступительной статье «Бележита национална поема» Людмил Стоянов указывает на высокие поэтические достоинства этого произведения, его смысл и политическую устремленность. «Исключительно важный литературный памятник эпохи феодализма в России, — пишет Людмил Стоянов, — „Слово о полку Игореве“ дает широкую историческую картину общественной и социальной борьбы в расчлененном на отдельные княжества русском феодальном государстве конца XII века и одновременно указывает на тогдашний культурный уровень и состояние письменности». В этой же книге помещено обширное литературно-историческое исследование Н. М. Дылевского («„Слово о полку Игореве“ — героична поема на старата руска лигатура», стр. 75—99), «Бележки към „Песен за похода на Игор“» (стр. 111—140) его же и «„Слово о полку Игореве“ на български» Б. Ст. Ангелова (стр. 101—109). На основе широкого исторического анализа Н. М. Дылевский рассматривает различные вопросы: эпоху, в которую возникло «Слово», воздействие на него народного творчества, поэтическое дарование его творца, стилистические и языковые особенности произведения, связь его с русскими летописями, значение его «„Слово о полку Игореве“, — отмечает Дылевский, — это продукт целого предшествующего развития старой русской литературы и создавшихся в ней литературных и общественных традиций. Но и само оно влияло на оформление литературных вкусов и общественных настроений современников, на создание литературных творений позднейших эпох и оставило глубокий след в русской культуре».

Хорошую, марксистскую оценку «Слову о полку Игореве» дает и Велчо Велчев в своей статье «Руската героична поема „Слово о полку Игореве“ — велико народно произведение».²⁶ «„Слово о полку Игореве“, — пишет В. Велчев, — выдающееся достижение не только русской, но и славянской художественной мысли. „Слово о полку Игореве“ — исключительное произведение своего рода и в мировой литературе. Автор „Слова о полку

²⁴ Васил Пундев Боян Магьосникът. Историко-литературна студия. София, 1923, стр. 45 и др.

²⁵ Михаил Арнаудов. 1) Очерки по българския фолклор, стр. 532—534, 2) Боян Магьосника в историята и митологията. — Театър и опера, I, 1921, кн 8, стр. 2—4.

²⁶ Работническо дело, XXIII, № 47, 16 II 1951, стр. 2

Игорева“ перерос ограниченные личные и узкоклассовые феодальные интересы и возвысился до идеи отстаивания народных интересов».

В своих занятиях над «Словом о полку Игорева» болгарские ученые опираются прежде всего на русские исследования о нем. Для них авторитетно мнение русских ученых. Особенно сильно и благотворно в этом отношении воздействие советской науки. Это имеет значение и в отношении к болгарским переводам «Слова». Все переводчики отмечают, какими русскими переводами они руководствовались в своей переводческой работе над «Словом». Конденсированное выражение всей этой большой творческой деятельности дает Людмил Стоянов, говоря: «Моя задача прежде всего состояла в претворении старорусского оригинала в соответствующий болгарский текстуальный перевод поэмы „в прозе“. После этого можно было приступить к художественному ее оформлению в отношении языка, ритма, поэтического строя и поэтического смысла. Тут бесспорно неоценимую помощь могли мне принести русские переводы, главным образом советских авторов. Между ними надо упомянуть переводы И. А. Новикова, В. И. Сгеллецкого, А. Югова, Н. А. Заболоцкого, Д. С. Лихачева».²⁷

Если исключить некоторые из статей, можно отметить, что публикации в болгарской литературе о «Слове о полку Игорева» носят до настоящего времени преимущественно научно-популярный характер, прямая цель их познакомить болгарского читателя с этим классическим древнерусским литературным творением, создать интерес и любовь к нему. И надо признать, что эта цель достигнута — это видно как по литературе о нем, так и по числу полных и частичных переводов «Слова».²⁸ На основе этого ценного наследия более чем векового интереса к «Слову о полку Игорева», выраженного в переводах, научных и популярных статьях и заметках, можно сжидать, что болгарская наука приступит к рассмотрению некоторых специальных вопросов из его истории. Это является еще более возможным теперь, когда болгарские ученые вооружены великим марксистско-ленинским учением о развитии общества и человеческой культуры.

²⁷ Песен за похода на Игор. София, 1955, стр. 13.

²⁸ Б. Ст. Ангелов. «Слово о полку Игорева» на български. — Песен за похода на Игор. София, 1955, стр. 101—109.